

А.В. Архангельская
БАСНЯ И.А. КРЫЛОВА «КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ»
И СЮЖЕТ О СТАРИКЕ И СМЕРТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается история басенного сюжета о Старике и Смерти в русских переводах, переделках и переложениях XVII – начала XIX в.

Ключевые слова: басня; перевод; трансформация сюжета; вариативность сюжета; Эзоп; И.А. Крылов; «Крестьянин и Смерть».

Arkhangelskaya A.V. I.A. Krylov's fable «The Peasant and Death» and the plot about the Old Man and Death in Russian literature of the 17th–18th centuries

Summary. The article deals with the plot of the fable about the Old Man and Death in Russian translations and modifications of the 17th – beginning of the 19th century.

Keywords: fable; translation; plot transformation; plot variability; Aesop; I.A. Krylov; «The Peasant and Death».

Сюжет популярной басни о Старике и Смерти восходит к басне Эзопа и в русской литературе известен как минимум с начала XVII в., так как эта басня входит в сборник «Притчи, или Баснословие Эзопа Фриги» в переводе Федора Гозвинского (1607) под названием «О старом мужи [и о смерти]»:

«18. О старом мужи и о смерти

Старец нѣкто дрова сѣкий в горѣ и на раму несый. И понеже многий путь идый, утрудися, сложи с себя на землю дрова и смерти приити призываше.

Смерти же абие представши и вину вопросы: чесо ради ю призываешь? Старец же, убоявся, рече: дабы взяла сие бремя дров и на его раму возложила.

Толкование. Притча являетъ, яко всякъ человекъ любозивотен сый: аще и тмами бѣд впадый, мнитсѣ смерти призывати, но обаче жити множае, нежели смерти желаетъ»¹.

Р.Б. Тарковский, комментируя перевод Гозвинского, отмечает, что слово «убоявся» – «психологический акцент переводчика»², поскольку отсутствует в оригинале. Вывод трактуется как часть общей идеологической атмосферы эзоповской басни, которая «индивидуалистична, беспросветна и консервативна... Постоянна лишь сама человеческая натура... И натура эта прежде всего эгоистична, высшая ценность для индивида – его собственная жизнь»³. Кроме того, отмечается, что в разных списках возникает сложная система редактирования, которая видоизменяет первоначальный облик рассказа, увеличивая его объем, переводя косвенную речь в прямую, стремясь в большей степени акцентировать эмоциональность рассказа, хотя и не вносит никаких существенных изменений в сюжет⁴.

Однако путь эзоповской басни о Старике и Смерти на Русь был не только прямым, но и опосредованным. Так, она входит в сборник «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными повестями в научение всякого чина и сана человеком», переведенный с немецкого языка А.А. Винниусом (1674). Рассказ здесь значительно более подробный и детализированный.

«101. О старом человекѣ и смерти

Нѣкий старец иде путемъ, нося на рамахъ своемъ тяжкое бремя, от него же зѣло утрудися. И сѣдъ при пути, зѣлнѣ стоя, нача горко рыдати, яко же во вся дни живота своего даже и до состарения своего не возможе себѣ покоя получитьи. Сего ради возжелѣ

лутче умерети, неже в таких трудѣх жити, и возопи: “О смерти приятнѣйшая! Услыши моление мое, прииди скоро и изми мя, суща стара, от труда сего!”

Смерть же абие услыша гласъ его и со оружиемъ своимъ к нему притече, хотяше восхитити его. Старецъ же видѣ ю, зѣло устрашися и рече: “Не сего ради молихъ тя, да похитиши мя. Но да сотвориши мнѣ милость и в сихъ тяжкихъ моихъ трудѣхъ споможеша мнѣ бремя нѣсти”.

Тѣмъ являя, яко аще по единой бѣде приидеть тяжчайшая – и мы о смерти вопиемъ; пришедши же ей, аще и в бѣдѣ, обаче еще жити просимъ.

Сице бысть Антистену-философу. Егда той впаде в тяжкий недугъ и не могущу ему тяжкую болѣзнь терпѣти, возжелѣ лутче умерети, неже в болѣзни такой пребыти.

Сие же слышавъ, философъ Диогенъ абие притече к нему с ножемъ, яко бы хотя его заклати. Тогда Антистенъ возопи: “Пощади, пощади мя болѣзней ради моихъ”. – Лаиртий⁵.

В этом рассказе присутствует характерное для сборника в целом дополнительное толкование сюжета («исторический прилог»); но обращает на себя внимание также и повышенная эмоциональность: «зелне стоя», «горко рыдати», «возопи», наличие пространных реплик Старца (притом что Смерть, напротив, не произносит ни звука и свои намерения явно выражает не вербальным способом; в то время как у Гозвинского «разговорчивость» Смерти усиливается от редакции к редакции).

Показательно, что в обоих случаях присутствует определенная логика в истолковании мотивации призыва смерти, но она различается. Так, в варианте Гозвинского говорится о том, что старик «смерти приити призываше», так что Смерть, придя по его призыву, интересуется, зачем он ее призывал, и этот вопрос дает герою возможность сделать вид, что он хотел попросить помощи. Таким образом, если без уточнений формулировка «смерти приити призываше» однозначно истолковывается как «хотел умереть», то получается, что именно Смерть дает герою шанс, поскольку, уточняя повод или причину призыва, открывает возможность для неоднозначной интерпретации этой фразы и одновременно дает воспользоваться этой неоднозначностью, чтобы спастись. В варианте Вин-

ниуса эффект строится на том, что, напротив, вроде бы первоначально все предельно ясно, так как в тексте констатируются и севования старика на тяготы жизни, и то, что он не может достичь покоя даже в старости и в результате «возжелел лутче умерети», да и сам призыв формулируется однозначно: «Прииди скоро и изми мя, суща стара, от труда сего». Именно так – однозначно – истолковывает этот призыв Смерть, которой в силу очевидности просьбы нет необходимости уточнять повод, «и со оружиемъ своимъ к нему притече, хотяше восхитити его». Поэтому здесь уже напуганный старик объясняет Смерти, что она поняла его неправильно, поскольку, призывая ее, он хотел избавиться не от труда жизни, а от труда несения непосильной тяжести.

Еще один вариант этого сюжета представлен в сборнике «Премудрого Лохмона издивительные склады и примеры». Р.Б. Тарковский отмечает, что сборник входил в состав изданного Адамом Олеарием «Путешествия в Московию и Персию», известен как «арабская версия Эзопа, сложившаяся к XIV в., но связываемая мусульманским преданием с баснословным Лукманом, мудрецом-праведником ветхозаветных времен царя Давида»⁶, и оказался переведенным на русский язык в последней трети XVII в.

«14-я причина. Единой человекъ желаетъ себѣ смерти

Единой человекъ нес великою ношу дров, которая ему зѣло тѣгостно была. И когда он пристал и носить надоела, и кинул он ношу с плечь и рекъ от нетерпения: “Я хотел бы, чтобы смерть пришла”.

И он насило то слово выговорил, и явилася смерть ему пред очима и рекла: “Зри, оздеса я. Ты меня призывал, – что ты у меня желаешь?” И человекъ отвещал: “Я толко кликал тебя для того, чтобы ты пришла и мнѣ бы паки помогла ношу дровъ на плеча положить. А ино как ты мнѣ не надобна”.

Сим воздает знати, что все люди на свети, они буди кто и несть, они временной живот возлюбляют и того не накучутся ни боллезнѣю, ни безмочиѣм, когда къ смерти придет»⁷.

Эта версия любопытна тем, что здесь мы имеем диалог действующих лиц, причем реплики не сопровождаются никакими эмоциональными «рemarkами». Если и у Гозвинского, и у Винниуса

констатируется испуг героя при виде смерти: именно этот страх и заставляет его искать и найти выход из ситуации, осознать поспешность и риторичность призывания смерти, пересмотреть свое отношение и к жизни, и к смерти и т.д., – то в сборнике Лохмона акцент получается иным. В соответствии с прототипом – исходным эзоповским оригиналом – в призыве к смерти имплицитно заложена двусмысленность, а в реплике Смерти она эксплицируется, но, помимо этого, финальная фраза старика содержит не только просьбу о помощи, но и уточнение того, что никаких иных действий от Смерти не ожидается: «А ино как ты мне не надобна».

Следует отметить и то, что во всех известных переводах этой басни на русский язык в XVII в. Смерть никак не комментирует изменение настроения героя и никак не пытается предъявить на него права ввиду его первоначального настроения и / или необдуманного призыва. Мораль идет от автора, а не от участников коллизии, как это, собственно, свойственно и басне, и притче, и содержит вывод из конкретной ситуации, позволяющий выстроить обобщающие умозаключения характерологического свойства о человеческой природе вообще.

В первой половине – середине XVIII в. на основе разнородного материала, в частности включающего в себя русский перевод басен Эзопа, создается стихотворная редакция русских фаяцетий или жарт. В этот сборник также входит сюжет о Старике и Смерти:

31. О старикѣ и смерти

*Деревенской старикѣ пошел некогда в лесъ
набравши тамо дровѣ домой несть
и несучи ихъ весма жестоко усталъ
брося свою ношу смерти просить стал
чтоб она ево от такой жизни избавила
и векъ бы ево совсемъ убавила
того ж часу смерть к старику подскочила
чево ты желаетъ старичокъ спросила
старикѣ увидя смерть испужался
однако хотя в страхе сказать догадался
сотвори доброй г (оспо) д (и) нь со мною честь
пособи ношу мою мне донестъ
пожалуи на плеча ко мне положи*

*и тою помочью мне послужи
смерть расмеяся старику сказала
прозба твоя не то мне доказала
ты просишь чтоб тебѣ умереть
а теперь не хочешь тово терпеть
старикъ едва от нея отбожился
уже ходить в лесъ не лстился⁸.*

Показательны отличия этого текста от предыдущих, свидетельствующие, на наш взгляд, и о меньшей словесной и интеллектуальной изысканности фация по отношению к басне, и о большей прямолинейности в выражении главной идеи: в тексте прямо сказано, что Старик просит Смерть не просто прийти к нему, но именно избавить его от жизни и «совсем убавить» его век. В этой ситуации вопрос немедленно появляющейся Смерти: «Чего ты желаешь, старичок?» – оказывается немотивированным, так как свое желание герой к этому времени уже достаточно четко формулирует. Мотив испуга сохраняется, однако подчеркивается, что, несмотря на страх, вызванный неожиданным приходом призванной Смерти, герой нашелся и остроумно сделал вид, что звал Смерть только лишь затем, чтобы попросить помощи. Остроумие героя оказывается оцененным («смерть расмеяся»), но затем, несмотря на это, именно Смерть констатирует, что исходно были сформулированы другие желания, и даже, видимо, пытается настаивать на их осуществлении, поскольку сохранить жизнь герою оказывается нелегко («старикъ едва от нея отбожился»), а дальнейшие походы в лес сулят ему опасность новой встречи со Смертью уже безо всякой первоначальной инициативы с его стороны («уже ходить в лесъ не лстился»). Таким образом, в отличие от басни, эта фация не содержит отвлеченной общей морализации, идущей от автора, поэтому роль героя-резонера в данном случае принимает на себя Смерть, обращающая внимание на особенности человеческой природы, проявившиеся в данной ситуации⁹.

Сюжет о Старике и Смерти также встречается в одной из ранних русских интермедий¹⁰. Учитывая, что в данном случае мы имеем дело с драматической сценкой, хотя и с минимальным количеством действующих лиц, принципы, на основе которых перерабатывается исходный текст, близки к тому, что происходит в драматических произведениях этого же времени. Герои произ-

носят пространные монологи, насыщенные подробностями: так, Старик сообщает о том, что ему не служат руки и ноги, болит голова, «стомах зазнобися», уши не слышат, глаза не видят, зубы не могут жевать, а вдобавок к этому его мучат материальная скудость и зимний холод; найдя дрова, он радуется, но тут же констатирует, что находка, суля ему облегчение в дальнейшем, доставляет в то же время и новые трудности, поскольку он не в силах донести эти дрова до дома, после чего он прямо адресуется к Смерти и даже пеняет ей на неумение выбирать жертв:

*Лутше умрети, неже в нужде жити.
Бог ми оставил за преступления,
Не посылает ми умерщвления.
Юныи мнози везде умирают,
Старика тленна житиши оставляют.
Ей, смерть ест слепа, не видит, что взяти;
Мало в ней ума, не вест рассуждати
Юным ест горка, а тех похищает;
Мне бы была сладка, но мя оставляет.
О смерти! где ты? камо заблудила?
Вскую беднаго старика забыла?
Потщися ко мне, возми мя до себе:
О кол аз давно ожидаю тебе!¹¹*

Однако, когда в ответ на этот призыв приходит Смерть, Старик сначала пытается сделать вид, что это не он ее звал («Ииннии люди семо прихождаху / Тии до себе тебе призываху»¹²), а потом, когда обман не удастся, так как Смерть точно уверена, что слышала его голос, просит ее помочь «дрова на плеща возложити»¹³.

Отличие этой версии сюжета от предыдущих в том, что интермедия здесь заканчивается иначе: Старика не удастся обмануть Смерть и его призыв не может остаться без ответа; это констатируют в заключительных репликах оба героя интермедии:

*Смерт
Старче лукавы! что се ты твориши?
Непрелстимую богатырку лстиши.
Не мое дело в дровах ти пособляти;
Аз вем телеса ваша в гроб хищати.*

<...>

*Прощайся с людми и богу молися,
Утро в могилу ко мне ты лажися.
Старик
Увы мне! увы! Что имам творити?
Вскую аз дерзнул Смерт к себе гласити?
Сам ю возбудих, яже тверде спаше,
Меня мертвити не у помышляше.
Прелстихся бедный. Лучше бе молчати.
Воли божия в готовности ждати.*

<...>

*Сами здравствуйте на лета премного!
Званием Смерти не гневайте бога.
(Смерт косою косит, старик упадает.)¹⁴*

На протяжении XVIII – начала XIX в. басенный сюжет о Старике и Смерти, известный в обработке Эзопа, Габрия или Лафонтена, перелагали В.К. Третьяковский («Старик и Смерть»), А.П. Сумароков («Крестьянин и Смерть»), П.П. Сумароков («Дровосек и Смерть»), Д.И. Хвостов («Дровосек и Смерть»), Г.С. Шуртов («Старик и Смерть»), Г.Р. Державин («Смерть и Старик»), А.И. Дубровский («Смерть и Дровосек»). Р.С. Кимягорова обращала внимание на то, что «уже само заглавие несет глубокий смысл: Эзоп ставит на первое место человека (Старик), Габрий идет за Эзопом. Лафонтен же, нарушая традицию, ставит на первое место Смерть. При переводе на русский язык одни переводчики придерживались эзоповской традиции, другие – традиции Лафонтена»¹⁵. Сравнительные достоинства этих переложений не раз становились предметом внимания исследователей, поэтому сейчас мы не будем на этом останавливаться, отметим лишь, что только в одной из этих интерпретаций – у Г.Р. Державина – мы видим видоизмененную концовку: вместо того, чтобы попросить Смерть помочь нести вязанку дров, Старик в ответ на ее гневный вопрос «Ты ль звал меня?», «пальцем ближнего соседа показал»¹⁶. Как отмечала Е.А. Морозова, «существует предположение, высказанное Я.К. Гротом, о том, что “эта перемена” концовки произошла под влиянием басни Фридриха Гагедорна “Бедный больной и Смерть” (“Die arme Kranke und der Tod”), заканчивающейся сухим обращением бедняка к Смерти “Друг, иди к моему соседу”

(“Freund, geht zu meinem Nachbahr hin”). Державин же стремится к большей эмоциональной выразительности басни, в словах старика чувствуется неподдельный испуг и желание во что бы то ни стало избежать смерти, именно поэтому он “пальцем” указывает на соседа¹⁷. Обратим внимание, однако же, на то, что в рассмотренной нами ранее интермедии на этот сюжет также отмечается попытка (правда, неудачная) Старика сделать вид, что Смерть звали другие люди.

Итак, к началу XIX в. этот сюжет был известен русскому читателю уже в достаточно большом количестве разных обработок. Басня И.А. Крылова «Крестьянин и Смерть», которая появляется не позднее 1807 г., по наблюдениям исследователей, ближе всего оказывается к обработке А.П. Сумарокова: только у него герой называется крестьянином, а не стариком (как у Третьяковского, Шутова, Державина) или дровосеком (как у П.П. Сумарокова, Хвостова, Дубровского)¹⁸. Неоднократно подчеркивалось и то, что у Крылова Крестьянин сетует не только на тяготы возраста и положения, но и на конкретные обстоятельства социального плана («подушное, боярщина, оброк»¹⁹). Наконец, басня была наглядной иллюстрацией того, как Крылов превращает абстрактный сюжет в художественную зарисовку, изобилующую деталями, характеризующими и место действия, и поведенческие обстоятельства, и бытовой фон²⁰.

Тем не менее нам кажется значимым, что крестьянином герой называется только в заголовке, в основном тексте басни он два раза называется стариком («Старик, иссохший весь от нужды и трудов»; «Зачем ты звал меня, старик?») и один раз – бедняком, очевидно, в том числе и для того, чтобы избежать словесного повтора («Едва промолвить мог бедняк, оторопев»)²¹. Таким образом, социальная характеристика, несомненно, оказывается здесь значимой, но прежде всего, как представляется, выбор из возможных вариантов заглавия, а также определение порядка слов в них обусловлены у Крылова не столько лексически, сколько метрически²².

В монологе старика у Крылова наибольшее место занимают жалобы на жизнь, тогда как сам призыв Смерти дается в форме косвенной, а не прямой речи: «В таком унынии, на свой пеняя рок, / Зовёт он Смерть». Этот момент представляется нам принципиаль-

ным, поскольку для читательского восприятия важно, насколько в призыве эксплицируется желание умереть и, соответственно, насколько противоречащей этому первоначальному призыву оказывается итоговая просьба помочь донести дрова. Показательно, что в первых переводах басни Эзопа формулировка, при помощи которой описывается призыв, максимально нейтральна и дает возможность интерпретировать его нужным герою образом, тогда как во многих позднейших обработках, наоборот, подчеркивается однозначность этого призыва: старик в отчаянии, изнемогая от физической немощи и непосильной тяжести, хочет умереть («смерти просить стал / чтоб она ево от такой жизни избавила / и векъ бы ево совсемъ убавила» в стихотворной фацеции; «потщися ко мне, возьми мя до себе» в интермедии; «Приди о смерть, приди! я в гроб ийти готов» у А.П. Сумарокова). У Крылова ситуация коренным образом меняется: нам не сообщается, как именно был сформулирован призыв (хотя обстоятельства, сопровождающие его, однозначно свидетельствуют о его содержании), но акцент явственно перемещается на характеристику именно обстоятельств, которые не подаются описательно, а изливаются стариком из глубин страдающей души. Таким образом, становится в большей степени очевидно, что отчаяние героя – вовсе не сиюминутное впечатление, и тем более разительным контрастом оказывается реакция на приход Смерти, демонстрирующая, что инстинкт жизни побеждает даже в такой ситуации.

В большинстве обработок XVIII в. эта басня утрачивает ярко выраженную мораль, мы видели, что этот процесс поддерживается и в стихотворной редакции русских фацеций. Как представляется, отсутствие отчетливой морализации в переложениях этой басни объясняется тем, что сам по себе сюжет достаточно очевидно моралистичен и не нуждается в каких бы то ни было уточнениях или конкретизациях главной идеи, более того – не должен быть «размыт» подобным толкованием, как не нуждается в дидактическом выводе новеллистический *pointe*. В первом издании басни мораль отсутствует и у Крылова, но через три года она возвращается, причем возвращается традиционно в финал. Это тем более значимо, что для басен Крылова не только характерно максимально свободное расположение сюжета и морали друг относительно друга, но и возможно отсутствие отдельных моралистических сентенций. Тем

не менее здесь автор чувствует потребность в морали и не видит необходимости освободить финал от дополнительной нагрузки, перенеся мораль в зачин басни, и завершается текст в окончательной редакции словами:

*Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.*

В результате рассматриваемая басня Крылова, как представляется, может интерпретироваться (как и многие явления в творчестве Крылова) как замыкающийся круг, на новом уровне возвращающий нас к первоистокам.

¹ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси: Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005. С. 217. Басня на этот сюжет у Гозвинского фигурирует дважды, под № 18 и 143.

² Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 460.

³ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 100.

⁴ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 116–117.

⁵ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 348–349.

⁶ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 14.

⁷ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 447.

⁸ РНБ Q XIV. 133. Л. 20 об.

⁹ Это особенно значимо, если учесть, что большинство стихотворных фацетий содержат «мораль»: эту функцию чаще всего выполняет последнее двустишие, в некоторых случаях маркированное как «притча». В сборнике, в который входит рассматриваемая фацетия, все остальные тексты содержат «мораль», причем эти строчки графически выделяются.

¹⁰ Интермедия на интересующую нас тему входит в рукописный сборник 1737 г. из собрания Н.С. Тихонравова, включающий в себя семь старейших русских интермедий.

¹¹ Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII века): Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века. М., 1972. С. 281.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кимягарова Р.С. «Крестьянин и Смерть» // Кимягарова Р.С. Мой Крылов. М., 2017. С. 71.

- ¹⁶ Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. III. СПб., 1870. С. 425.
- ¹⁷ Морозова Е.А. Басни Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 161–168.
- ¹⁸ См. об этом подробнее: *Кимягарова Р.С.* Указ. соч. С. 73.
- ¹⁹ *Крылов И.А.* Басни: Сатирические произведения. Воспоминания современников. М., 1989. С. 123. В дальнейшем текст басни цитируется по этому изданию.
- ²⁰ *Кимягарова Р.С.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²¹ Следует заметить, что и у А.П. Сумарокова слово «старик» и его производные в основном тексте басни тоже гораздо частотнее: четыре против двух упоминаний «крестьянина», одно из которых – в заголовке, а второе начинает первую строчку («Крестьянин въ старости и в бѣдности страда...»).
- ²² См. об этом подробнее: *Аверинцев С.С.* Лафонтеновская парадигма и русский спор о басне // *Аверинцев С.С.* Связь времен. М., 2005. С. 199–218.